

КОД КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЗНАКОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.А. СУЛИМОВ

В ситуации действия основного закона современного расширяющегося информационного пространства, разрывающего не только механизмы означивания, но и смысловую целостность означаемого, происходит дальнейшая диверсификация феномена кода культуры (как и его репрезентанта – языкового кода). Код культуры, уже вполне освоивший стадию множественности или социально-культурного разделения на группу параллельных *кодов* и преобразующийся ныне в достаточно аморфное и противоречивое *кодовое пространство культуры*¹, сталкивается с парадоксальной ситуацией денонсации общих смысловых национально-культурных платформ (картин мира). Эти обобщенные и схематизированные национальные картины мира еще недавно могли быть легко восстановлены в специальных описаниях и словарях концептосферы (как, например, это было сделано для русской концептосферы в классических словарях XIX – XX вв. или работах А.Д. Шмелева, Ю.С. Степанова, А.А.Зализняка и А. Вежбицкой)². Происходит воспроизводство новой модели организации системы кодов культуры: сензитивно-уровневой, построенной на основе выявления характера и способов получения базовой культурорелевантной и, одновременно, когнитивно ценной информации. Эта информация, упакованная в обновленные системы континуальных знаков³, обладает важным культурно-антропологическим свойством: она формирует сложную индивидуально-типологическую характеристику сознания человека-в-культуре, который оказывается уникальным субъектом, воспроизводящим своеобразное «пазловое объединение» кодов культуры, располагающихся по трем основным осям.

Ось непосредственных кодов культуры, на которой сопряжены коды речевого и социального поведения, воспринимаемые и применяемые индивидуальным сознанием в автоматическом режиме и не требующие специального систематического обучения. Эти миметические (по своей природе) языковые сущности выстраиваются не только в раннем возрасте, но и в течение всей жизни под воздействием набора причин витального или социо-биологического характера. Достаточно вспомнить поведение людей на молодежных «тусовках», в группах заключенных или футбольных болельщиков, другие языки непосредственного общения (групповые, ситуативные, хаптические – языки социального контакта). Здесь тексты культуры либо отсутствуют, либо являются фоном для повседневной ритуальной игры (как, например, специально разрабатываемые для этой цели тексты современной массовой культуры).

Ось опосредованных кодов культуры, на которой сосредоточены основные исторически детерминированные тексты культуры, требующие (а) особого статуса своего восприятия – образовательного; (б) особой стратегии понимания – обучающей. Таким образом, собственно тексты культуры всегда снабжаются специальными дополнительными кодами, которые готовят когнитивную платформу для их восприятия, создают тезаурусные сгущения как элемент индивидуального сознания. Опосредованные коды культуры, являясь, по сути дела, результатом образовательных практик, зависимы от них как в плане универсальности, так и в плане смысловой или интерпретационной глубины. Сознательная кодификация информационного пространства с целью создания коммуникативного поля продуктивной культурной деятельности – одно из наиболее древних и эффективных направлений социального и культурного развития человека. Вместе с тем, использование опосредованных кодов культуры не избавляет от ситуации разрыва, от сползания индивидуального сознания в *пространство Между*, обусловленное, в конечном счете, нехваткой продуктивных интеллектуальных практик. Эта нехватка особенно остро проявляет себя в переходные периоды, создавая *дискомфорт непонимания*. Преодоление его, требующее модернизации и интенсификации дискурсивных практик, оказывается непосильным для большого количества индивидуумов. В этом, на наш взгляд, заключается основная причина интеллектуальной, а затем и социальной маргинализации отдельного человека, да и всего общества.

Ось неопосредованных кодов культуры, которая представляет собой интеллектуальное пространство культуры, или *пространство порождения новых смыслов*. При условии, что характерным признаком интеллектуального пространства культуры является его дискурсивность, именно на уровне этой кодовой оси возрастает значение внутреннего диалога, присущего креативной форме сознания. Изменяющаяся рефлексивность обращается не на другие тексты, не на группировки текстов (текстовые сгущения), а на собственное ментальное действие, на перманентный *акт самопонимания*. Причем здесь – на границе *Я* и *не Я* – происходит формирование того индивидуального смысла, который начинает противостоять «скатыванию» в провал *Между* сознанием и знанием возникает инсайтная способность инициирования новых смыслов. Индивидуальное сознание оказывается втянутым в гипертекст актуальной культуры, коммуникативное взаимодействие с которым существенно компенсирует недостаток индивидуальной мыслительной энергии.

Динамика взаимодействия показанных осей проста: *сверху – вниз* (от гипертекста и особых кодов, позволяющих подключиться к информационному континууму, к привычному автоматизму повседневности). А вот переход индивидуального сознания от миметического восприятия повседневности к осознанию и затем – воспроизводству и про-

изводству смысловых текстов (текстов культуры), составляющих основу информационного гипертекста, имеет противоположный вектор. Поэтому проблема современной успешной когниции — это проблема соединения когнитивно-семиотических осей. Например, простой переход между Осями 1 и 3 (переход при помощи простого «схватывания» идеи и стиля «из глубин самой жизни» без систематического освоения большого количества текстов культуры на Оси 2) практически невозможен⁴. Вместе с тем осознание своего Я как Я вполне культурорелевантного, состоявшегося не является достаточным критерием для самоидентификации индивидуума в современном обществе.

Другими словами, проблема кода культуры не исчерпывается проблемой изучения или освоения его самого как системы когнитивно-семиотических моделей в процессе либо специального обучения, либо обычного социального общения. Код культуры представляет собой не набор средств языковой выразительности, не правила построения и выражения некоторых «примитивных»⁵ или «высоких» смыслов. Соответственно код «не отражает» некоторую физическую или мыслительную (текстовую) реальность, возникая как приложение к ней. Феноменологически код есть способ осуществления самой реальности, причем такой, который эффективно приводит к ее легитимации. Знаковая (означенная) реальность оказывается объясненной, переведенной в диалоговый режим, описанной рядом текстов и, наконец, идеологически обусловленной. Способность кода осуществить реальность, причем такую реальность, которая непосредственно не наблюдается сознанием, есть основное свойство кода. Таким образом, при помощи кода реальность в абсолютном смысле становится из небытия непонимания, разрешая феноменологический парадокс, выявленный Э. Гуссерлем. «Удвоенная», кодированная и потому — вос-становленная реальность решает проблему своего существования: «Реальность — и реальность отдельно взятой вещи, и реальность целого мира — сущностью лишена самостоятельности (в нашем строгом смысле “сущности”). Это не нечто абсолютное в себе, что во вторую очередь связывалось бы с иным, — нет, в абсолютном смысле оно вообще ничто, оно лишено “абсолютной сущности”, у него существенность того, что в принципе лишь интенционально, лишь осознаваемо, лишь представляемо, лишь осуществимо в возможных явлениях»⁶. Со времен «лингвистического поворота» в философском знании считается (как бы к этому не относиться), что реальность имеет свою основную форму осуществления — вербальную. Интенция, всегда направленная в сторону реальности (ее единственно ощущаемой субъективной стороны), может и должна быть высказана, и, иными словами: только в высказывании может быть обнаружена интенция. Так осуществляется обязательное кодирование соотношения субъекта и объекта в пространстве реальности. Эта процедура предполагает в своей основе смысл и потому — обязательно

подкрепляется культурной рефлексией. Диалогичность когнитивно-семиотического процесса кодирования рефлексивно препарированной информации лежит в основе всего социокультурного пространства человеческой формы жизни, оказывается стержнем индивидуального и социального развития. В этом, может быть, заключается главный урок идеи М.М. Бахтина о словесном детерминизме действительного мира, выступающего как наличное высказывание в ожидании Иного – нового, информационно насыщенного, *не-ожидаемого* высказывания: «“Мысль изреченная есть ложь” – *действительный* мир (в отвлечении [от] предстоящего и заданного, еще не изреченного) есть уже изреченный, уже высказанный смысл события бытия, мир в своей наличности есть выраженность, уже сказанное, уже прозвучавшее слово. Сказанное слово стыдится себя самого в едином свете того смысла, который нужно было высказать (если, кроме этого противостоящего смысла, ничего ценностно нет)... Бытие, уже наличное в прошлом и настоящем, – только смертная плоть предстоящего смысла события бытия – абсолютного будущего; оно безнадежно (вне будущего свершения)»⁷.

Мы видим, что *про-явленная* и идеологически обусловленная реальность требует своего языка описания, который должен быть (а) достаточно универсальным для реализации *уже заложенной* в реальности идеи коммуникации и (б) достаточно подвижным для обеспечения идеологической полифоничности возможных высказываний (или = достоверной для индивидуума интерпретации высказываний и целых текстов). Именно код (в отличие, конечно, от кодифицированного языка) может предоставить возможность *понимания при разнообразии*, обладая высокой степенью открытости, с одной стороны, и высокой степенью универсальности – с другой. Поэтому наиболее релевантным представлением о коде является, на наш взгляд, представление о нем как об открытом процессе кодирования и интерпретации, допускающем (под воздействием идеологий или дискурсивных практик) возможность множественности, незавершенности и параллельности кодов как наиболее пригодных способов описания *про-явленной* реальности. По мнению У. Эко, такое явление (многокодовой реальности) представляет собой процесс, «в котором сообщение меняется по мере того, как меняются коды, а использование тех или иных кодов диктуется идеологией и обстоятельствами, при этом вся знаковая система непрерывно перестраивается на основе опыта декодификации и весь процесс предстает как *поступательное движение семиозиса*»⁸. Очевидно, что семиозис осуществляется в коде и только в коде, придавая процессу кодификации универсальные черты.

Наиболее яркой универсальной чертой семиозиса является *смыслообразование*, происходящее в момент коммуникации и направленное на выражение сущностных, по сути, трансцендентно ориентированных смыслов прочитываемыми (способными к интерпретации) средствами.

Очевидно, что в этом случае обязательно возникает разрывная позиция (трансцендентальные смыслы – прочитанные, интерпретированные смыслы), которая настоятельно обращает сознание индивидуума к необходимости привлечения не только ситуативного, но и «большого» историко-культурного контекста для семантизации даже достаточно простых высказываний. В значительной степени это наблюдение относится к письменной форме естественного языка как универсального кода. Письменная речь, разворачивающаяся как универсальный код культуры, символически оттеняет и даже сакрализует сам процесс своего восприятия символизированным сознанием адресата. «То, что написано, – по мнению Мориса Бланшо, – таинственным образом предстает по сути своей близким к священной речи, странность которой оно, кажется, переносит в произведение, от которой оно наследует чрезмерность, рискованность, силу, что не подвластно никакому расчету и отказывается от великих гарантий. Как и священная речь, написанное приходит неведомо откуда, без автора, без начала и тем самым отсылает к чему-то самому что ни на есть изначальному. За письменной речью не стоит ничье присутствие, зато она дает голос отсутствию...»⁹.

Значимое отсутствие или (что то же самое) трансцендентное присутствие Иного оказывается, кроме всего прочего, мотивационным основанием не только для текстовой деятельности, но и вообще для интеллектуальной деятельности, которая, по сути, сводится к осуществлению высказываний, восполняющих значимое отсутствие. Текстовая интеллектуальная деятельность¹⁰ является мостиком, перекрывающим пространство разрыва (пространство *Между*), образованное в сознании индивидуума в ходе неудачных коммуникативных и дискурсивных практик. Вместе с тем, текстовая интеллектуальная деятельность *не прекращает* деструктивного действия этого пространства, не «закрывает» его. Диалектика значимого отсутствия симметрична диалектике пространства *Между* и их (в том числе по этому признаку) вполне можно отнести к фундаментальным явлениям человеческого типа реальности, или точнее – к реальности, которую может воспринимать человеческий тип сознания.

Понимаемый нами как сочетание когнитивной возможности и языковой вероятности *код культуры* не может служить целям ограничения или *отграничения* интеллектуального поиска, это не правила интерпретации или идеологического поведения (они так не формулируются и не могут быть сформулированы), это не наборы лингвистических или стилистико-композиционных средств (характерно, что все подобные описания попадают «мимо» современной литературно-художественной практики, обладающей большим интеллектуальным трендом). В условиях современности *код культуры* – это индивидуально выстроенная подвижная *призма интерпретации* и ре-интерпретации реальности как набора доминантных (для индивидуума, социально-культурной группы, социальной или этнической общности) текстов культуры, обладающих

высокими (наивысшими) сакральными, информационными, суггестивными и художественно-образными возможностями. В этом смысле идеологический симулякр кода культуры — это предметно ориентированный список возможных интерпретаций данных текстов культуры, действующий, как правило, вне эмоционально-личностного восприятия (в условиях *не-прочтения*) текстов культуры, вне интеллектуально-мотивационных рамок личности. Такой идеологический симулякр кода культуры всегда претендует на всеобщность и обязательность, на восприятие себя в виде целостной идеологии.

Вместе с тем, текстовые (семиотические) миры, объединяясь в принципиально не-верифицируемую *знаковую реальность*, демонстрируют явную виртуально обусловленную самостоятельность. Построенные на эмоционально-образной платформе ощущений и ассоциаций, они начинают создавать пространства самостоятельного бытия, втягивающие индивидуальное сознание и погружающие его в систему Иных (Инаковых) не физических и не историко-культурных констант. Эти новые константы не онтологичны по своей природе, в них опущены процедуры сопоставления, сравнения и логико-семантического вывода, они по определению *вне истинности* и потому *не ложны*: «Автономность текстовой реальности подтверждается тем, что в процессе интерпретации текста мы не прибегаем к поддержке онтологии, не ищем непосредственных параллелей высказывания и действительности. Текстовые (возможные) миры живут по своим правилам¹¹. Эти миры можно объявить несуществующими с точки зрения онтологии, но от этого они не становятся для нас менее достоверными»¹². Тексты, собираясь в некоторые тематико-смысловые сгущения, суммарно составляют тот феномен, который мы условно называем (по аналогии с известным термином М. Эпштейна *литературные империи*) *семиотическими империями*, включающими в себя не только набор результирующих текстов (например, литературных), но и виртуально-визуальный ряд (фильмы, игровые и компьютерные версии, обучающие программы, картинки, символы, бренды и т.п.). Эти империи, к которым можно вполне отнести такие, например, идеационные монстровые гиперобразования, как «Гарри Поттер», «Властелин колец», существуют вне национальных знаковых систем, каких-либо жанровых или ментальных границ или культурно-аксиологических ограничений. Они «пронизывают» индивидуальное сознание, прививая ему заданные когнитивные качества и логико-семиотические правила поведения. Это и есть то пространство бытия, которое не нуждается в онтологизации своего существования. Источниками таких построений могут быть не только литературные авторские версии, но и политические проекты, экономические и информационные над-системы и даже крупные социальные компании. Общий драйв социальной коммуникации от *диалога* выяснения истины к *созерцанию* бесконечного реалити-шоу уже проявился достаточно ярко и продолжает нарастать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С точки зрения системы текстов культуры, средств их хранения и переработки это же пространство может быть определено как интеллектуальное пространство культуры.

² См., например: *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005; или: *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997.

³ Системы контекстуально обусловленных и логически усложненных знаков выдвигались в русской текстовой деятельности с начала XX в. – в условиях Модерна, но действительный расцвет этой нео-традиции произошел в конце XX в. – уже в условиях Постмодерна.

⁴ Литературно-философская судьба текстов М. Горького и ряда других советских писателей, часто хороших стилистов речи, является лучшим тому подтверждением.

⁵ Ср. с идеей семантических «примитивов», присущей работам ряда современных лингвистических семантиков.

⁶ *Гуссерль Э.* Избранные работы / сост. В.А. Куренной. – М.: Территория будущего, 2005. – С. 265.

⁷ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – С. 117.

⁸ *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 524.

⁹ *Бланио М.* Животные из Ласко // Новое литературное обозрение. 2011. № 2. – С. 266.

¹⁰ В нашем понимании в большинстве случаев эти два вида деятельности или синонимичны или, по крайней мере, коррелятивны.

¹¹ Эти правила могут быть сведены к законам нон-логической текстовой модальности, не соотносимой (в отличие от грамматической модальности) с действительностью вообще.

¹² *Бразговская Е.Е.* Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учебное пособие. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2008. – С. 125.

Аннотация

Коды культуры в современных условиях образуют сложное кодовое пространство. Проявляясь в высказываниях и текстах разного когнитивного уровня, смысловые интенции формируют особую знаковую реальность. Главной тенденцией ее изменения является виртуализация.

Ключевые слова: коды культуры, знаковая реальность, высказывание, картина мира.

Summary

Cultural codes in modern conditions form a complex code space. Manifested in statements and texts of different levels of cognitive, semantic intentions form a special semiotic reality. The main trend of its change is virtualization.

Keywords: codes of culture, a symbolic reality, the texts of culture, consciousness.